

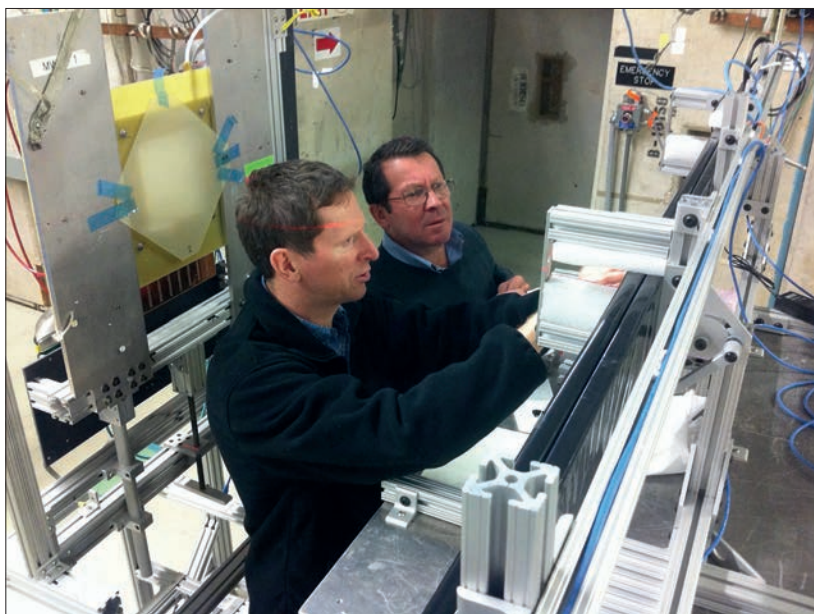
Юрий ДАВЫДОВ, начальник НЭОМАП ЛЯП, ОИЯИ

Серым мартовским днем 1981 г., будучи студентом 5-го курса МИФИ, я впервые приехал в Дубну на преддипломную практику и подготовку дипломной работы. Я был направлен в научно-экспериментальный отдел физики адронов ЛЯП, которым руководил профессор Ю. М. Казаринов. В составе этого отдела было несколько секторов, руководителями двух из них были профессора В. Б. Флягин и Ю. А. Будагов. Тогда и состоялось мое знакомство с Ю. А. Будаговым.

Эти два сектора находились на особом положении, были «любимыми детьми» тогдашнего директора ЛЯП В. П. Желепова, так как выросли из сектора, которым он ранее руководил. Вместе с тем, между ними всегда была некая конкуренция, определяемая, на мой взгляд, личными взаимоотношениями начальников секторов, что, безусловно, перекидывалось и на сотрудников. Я был в секторе В. Б. Флягина и он был моим научным руководителем, поэтому это отражалось на моих взаимоотношениях с Ю. А. Будаговым.

Мне кажется, что Юлиан Арамович всегда держал дистанцию со мной. Возможно, это было связано с тем, что, как он с укором говорил мне, у меня на все есть свое мнение. Проблема была в том, что оно не всегда совпадало с его, а я свободно высказывал ему свою точку зрения. Надо отдать должное Юлиану Арамовичу: он всегда спокойно выслушивал мое мнение, иногда соглашался, иногда оставался при своем. Но я не помню ни одного случая прямого давления на меня из-за моей особой позиции по тем или иным вопросам. Вместе с тем наши отношения всегда оставались доверительными. Юлиан Арамович с удовольствием приходил к нам домой в гости, где за полным столом мы могли обсуждать любые вопросы.

В 1987 г. Ю. А. Будагов на базе двух секторов создал новый отдел — научно-экспериментальный отдел множественных адронных процессов — и возглавил его. В то время основные усилия отдела были направлены на экспериментальные исследования на установке «Гиперон» в Протвино. Юлиан Арамович вместе с В. Б. Флягиным и В. М. Кутыным (ИФВЭ, Протвино) в 1970-х – начале 1980-х гг. организовали работу по созданию установки «Гиперон», по ее модернизации в дальнейшем, по подготовке научной программы и организации многочисленных сеансов на ускорителе У-70. Как мне кажется, Юлиану Арамовичу принадлежит основная заслуга в создании в этом эксперименте широкой международной коллаборации, в которой активно работали коллеги из Чехословакии, Болгарии, Польши,

В. В. Глаголев и Ю. И. Давыдов в Фермилаб

Азербайджана, Белоруссии, Грузии, Узбекистана. «Гиперон» стал настоящей кузницей кадров, в которой выросли многие наши коллеги, впоследствии ставшие ведущими сотрудниками в своих организациях.

Юлиан Арамович часто использовал телефонный метод руководства работой отдела. Будучи в Дубне или в командировке, он мог позвонить любому сотруднику и долго обсуждать работу. Особенно это проявилось, когда в течение 1991–1993 гг. Ю. А. Будагов находился в командировке в SSC Lab (Даллас, США) и представлял там ОИЯИ. О его многочисленных длительных телефонных звонках в Дубну ходили легенды. Будучи за границей, он умудрялся организовать работу групп в ОИЯИ и даже в промышленности России. С В. В. Глаголевым мы наблюдали это воочию, когда в 1993 г. в течение полугода были в командировке в SSC Lab.

Однажды в середине 1990-х гг. (по-моему, к тому времени я еще не защитил кандидатскую диссертацию) мы возвращались с Ю. А. Будаговым с обеда и обсуждали рабочие вопросы. Вдруг он сказал: «Тебе нужно быть начальником отдела, ты рассуждаешь как начальник». Спустя много-много лет после этого разговора я стал начальником этого отдела. Возможно, Юлиан Арамович смотрел так далеко вперед, либо это было простое совпадение.

В 1997 г. я начал участвовать в подготовке совместного российско-канадско-американского эксперимента TWIST в TRIUMF (Ванкувер, Канада), в котором со стороны России участвовали сотрудники Института об-

щей и ядерной физики РНЦ «Курчатовский институт» под руководством д. ф.-м. н. В. И. Селиванова. В итоге осенью 1998 г. по приглашению В. И. Селиванова я перешел на работу в РНЦ «Курчатовский институт». Мои контакты с коллегами в ЛЯП продолжались и во время моей работы там, несмотря на то, что большую часть времени мы проводили в Канаде. В 2006 г. я вновь был принят на работу в ОИЯИ, и мне кажется, что слово Ю. А. Будагова было при этом решающим. Следует отметить, что 1998–2012 гг. были очень плодотворными и успешными для эксперимента TWIST. Нами были получены рекордные точности в измерении параметров Мишеля в распадах мюонов, вошедшие в таблицы PDG (я участвовал в работе коллаборации вплоть до окончания эксперимента). Юлиан Арамович знал эти наши работы и настаивал, чтобы я написал финальную работу. К сожалению, при его жизни я не успел это сделать.

Отличительной чертой Ю. А. Будагова было стремление к новому, желание и умение браться за, казалось бы, невыполнимые задачи. Это проявлялось и при начале работ в проекте УНК в Протвино, и при подключении к работам в SSC Lab, а затем при участии в экспериментах CDF в Фермилаб (США) и ATLAS в ЦЕРН. Несмотря на свой возраст, он активно обсуждал наше участие в программе высокой светимости на БАК в ЦЕРН (HL-LHC). Более того, мы с ним неоднократно обсуждали возможные направления нашей деятельности при подключении к работам по подготовке проекта ускорителя FCC в ЦЕРН, который, возможно (!), будет построен лет через 30! При этом Юлиан Арамович спокойно говорил, что это уже придется делать нам, более молодым (хотя я тоже должен переадресовать его слова относительно возможного участия в работах на FCC своим более молодым коллегам).

Ю. А. Будагов был очень общительным, широко эрудированным человеком. Наверное, поэтому у него был довольно обширный круг знакомств в разных сферах, не только в научном сообществе. Я понимаю, что он достаточно легко сближался с людьми, находил с ними общий язык. Но вместе с тем у него были и «проколы». В последние годы жизни Юлиан Арамович неоднократно с печалью говорил мне, что он сильно разочаровался в некоторых людях, которых в свое время активно поддерживал.

Юлиан Арамович часто звонил в выходные дни, иногда по несколько раз, обсуждая разные темы — как научные, так и бытовые. Это, как правило, были длительные доверительные разговоры. Уже после ухода Юлиана Арамовича в течение нескольких месяцев в выходные дни я ловил себя на мысли, что жду, что вот-вот раздастся его телефонный звонок...

Следует отметить еще одну черту Ю. А. Будагова: он не забывал поздравить с днем рождения или радостным событием коллег и друзей, при этом посылая напоминания о событии и другим коллегам. Он с удовольствием

В гостях у Ю. И. Давыдова

делал подарки, иногда чисто символические, иногда существенные. Однажды он подарил нам пианино, стоявшее в их квартире, при помощи которого наша внучка Ульяна начала делать первые шаги в музыке и даже успела порадовать Юлиана Арамовича своими успехами, когда он приходил к нам в гости.

Ближе к концу лета 2021 г. нередко, заходя ко мне в кабинет, Юлиан Арамович приносил какой-нибудь сувенир, связанный с Далласом, — то открытку, то карточку с логотипом SSC Lab, которые он хранил почти 30 лет! Уже позже я стал понимать, что так он, по-видимому, прощался с нами...